

СОНЕТЫ.

I.

Съ тѣхъ поръ какъ во второй половинѣ XVIII вѣка поэтическую геніальность Шекспира безповоротно признало общественное мнѣніе всего цивилизованнаго міра, -- на всѣхъ языкахъ, преимущественно на нѣмецкомъ и англійскомъ, изъ года въ годъ стала расти безконечная литература о Шекспирѣ и его произведеніяхъ. Съ самага начала среди этого громаднаго потока оказался одинъ незыблемый камень преткновенія.

Неутомимые изслѣдователи могли обсудить и выяснить малѣйшую подробность въ драмахъ Шекспира, сосчитать строки, рѣшѣны, открыть происхожденіе именъ даже третьестепенныхъ дѣйствующихъ лицъ,-- но одинъ вопросъ стоялъ предъ ними вѣчной загадкой,-- и какъ разъ самый важный и завлекательный.

Кто былъ Шекспиръ, какъ человѣкъ, какъ нравственная личность? Какія идеи можно назвать его убѣжденіями, изъ какихъ чувствъ слагалось счастье и горе его сердца? На эти вопросы, нѣтъ ясныхъ, достовѣрныхъ отвѣтовъ.

Драмы, по своему существу,-- родъ поэзіи самый не благодарный для опредѣленія личности поэта. Чѣими словами онъ говорить, чѣей судьбѣ принадлежитъ его не творческое только, а личное участіе? -- Отвѣты тѣмъ труднѣе, чѣмъ глубже и разностороннѣе талантъ драматурга.

Не то -- лирическое произведеніе. Оно -- субъективно по преимуществу, оно -- плодъ случая и настроения, слѣдовательно,-- страница автобіографіи или исповѣди.

И вотъ среди произведеній Шекспира оказалось, повидимому, не малое количество такихъ страницъ, -- сто пятьдесятъ четыре лирическихъ стихотворенія.

Можно бы ожидать, что томительные толки шекспирологовъ за Шекспиромъ-человѣкомъ должны прекратиться или, по крайней мѣрѣ, не казаться больше безнадежными. Предъ нами -- руководящій свѣтъ, зажженный рукою самого поэта.

Такъ многіе и поняли значеніе шекспировскихъ сонетовъ,-- и что особенно любопытно,-- рѣшительными сторонниками автобіографическаго значенія сонетовъ явились даровитые поэты разныхъ національностей.

Гете слѣдуетъ поставить во главѣ,-- по времени и по рѣшительности заявленій. По его мнѣнію, -- въ сонетахъ Шекспира нѣтъ ни одной буквы, которая не была бы пережита, перечувствована и выстрадана поэтомъ.

Еще изящнѣе выразился Вордсвортъ: сонеты -- ключъ, отмыкающій шекспировское сердце. Несомнѣнно,-- такъ же думалъ и Викторъ Гюго. Его сынъ перевелъ произведенія Шекспира. Въ статьѣ о сонетахъ онъ не только призналъ автобіографическое содержаніе этихъ стихотвореній, но даже извлекъ изъ нихъ цѣлый законченный романъ, будто бы пережитый Шекспиромъ. Нельзя сомнѣваться, что этотъ именно взглядъ принадлежалъ и самому отцу переводчика, краснорѣчиво рекомендовавшему публикѣ трудъ своего сына.

У этихъ трехъ поэтовъ, столь искренно оцѣнившихъ сонеты Шекспира, нашлись единомышленники и среди ученыхъ и среди другихъ поэтовъ. Было даже заявлено, что поэты лучше критиковъ способны понимать поэтовъ¹.

И тѣмъ не менѣе поэтическое пониманіе шекспировскихъ сонетовъ оказалось далеко не для всѣхъ убѣдительнымъ,-- и прежде всего потому, что пониманіе это было подсказано скорѣе художественнымъ воображеніемъ и взволнованнымъ чувствомъ, чѣмъ спокойной и внимательной критикой предмета.

Достаточно одного факта: Шекспиръ оставилъ намъ с_о_н_е_т_ы,-- и сомнѣніе въ подлинности ключа, будто бы отмыкающаго его сердце, -- является неизбѣжно. Иначе придется доказать, что